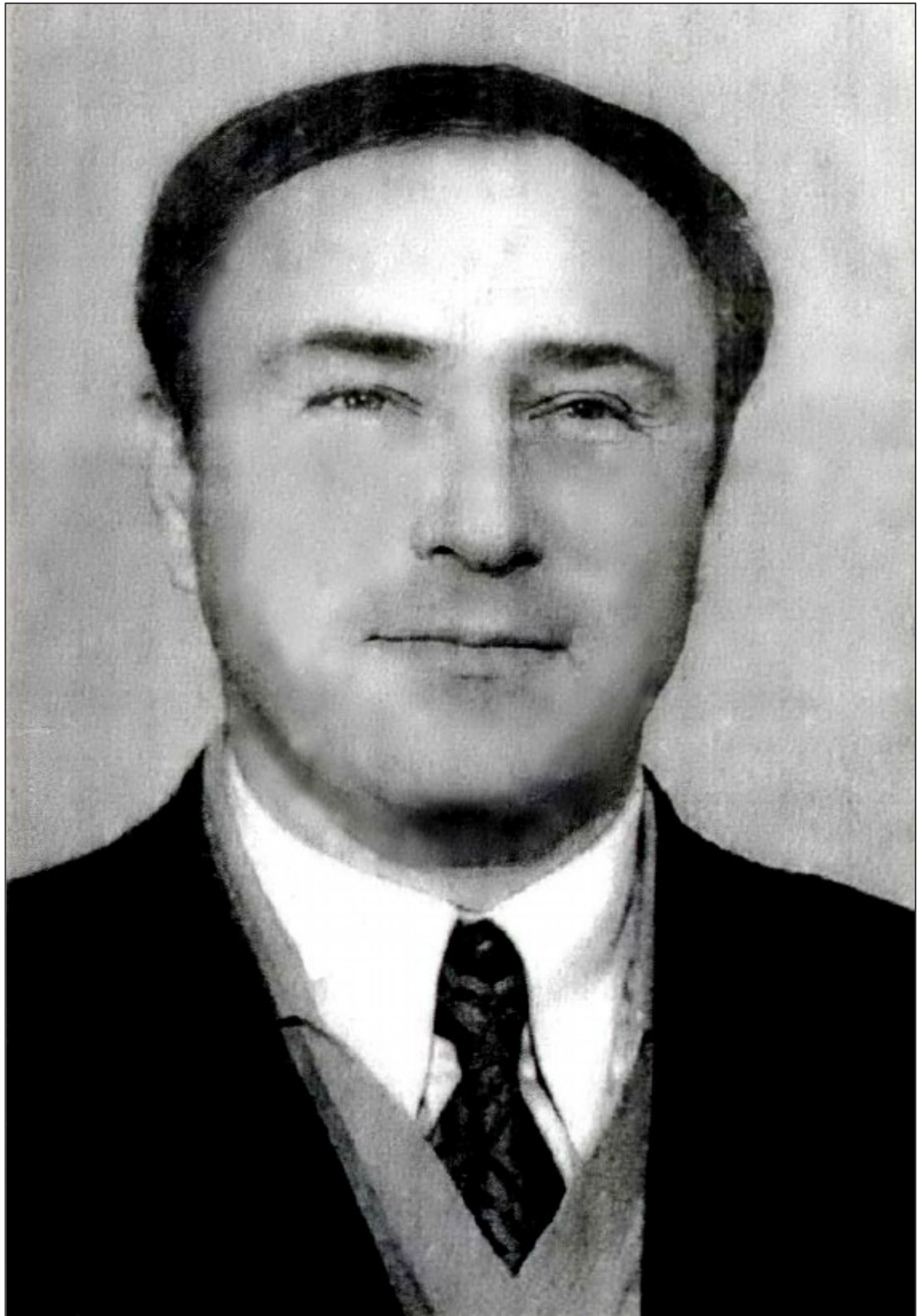

ОРНИТОЛОГ
Э.А. ИРИСОВ

ИРИСОВ
Эдуард Андреевич
(21.X.1935-2.IV.1995)

Настоящий выпуск "Известий Алтайского отдела Русского географического общества посвящен памяти бывшего председателя отдела доктора биологических наук Эдуарда Андреевича Ирисова.

В выпуск включены биографические очерки, список научных работ ученого, его ранее не публиковавшиеся статьи, а также воспоминания родных, друзей, коллег, географов, библиографов и историков науки.

Ответственный редактор:
профессор А. М. Малолетко

Обложка художника А. Осипова

В.А. ЯКОВЛЕВ

Э.А. ИРИСОВ - ЭТО МОЯ МОЛОДОСТЬ

В середине апреля мне передали записку от Ю.И. Малкова - заведующего кафедрой зоологии Горно-Алтайского университета. Он писал, что решил интересующий меня вопрос лишь в общих чертах, поскольку встреча с нужным человеком произошла на похоронах Э.А. Ирисова и было не до того ... Это было ошеломляющее известие, весь акцент сместился на последнюю строчку письма. Как же так? Почему на похоронах? Ведь совсем недавно мы встречались с Эдуардом Андреевичем на совещании по Красной книге Алтая. Да, он был болен, но выглядел достаточно бодрым, шутил, смеялся и вот уже «... на похоронах». Потом оказалось, что в местной газете давно напечатан некролог, но почту в заповедник доставляют с опозданием, а опаздывать давно не подвораживалась.

С уходом Эдуарда Андреевича оборвалась еще одна ниточка, связывающая меня с моей молодостью, с началом моей работы в Алтайском заповеднике. Мы познакомились в 1970 г. Я заканчивал учебу в институте и приехал в заповедник на зоологическую практику. Заповедник находился в стадии становления после череды открытий-закрываний. Штат был не укомплектован. Такие же, как я, молодые ребята, также недавно приехавшие, образовали ядро научного отдела, руководил которым Эдуард Андреевич. Мне показали его кабинет. За столом сидел плотный лысоватый человек и смотрел на меня пытливым взглядом, дескать, что это за фрукт явился. А я, охотничий, объяснял ему, что приехал на практику, что проведу тут учеты животных и что вообще заповеднику со мной очень повезло. Он не возражал. Практика продолжалась около трех месяцев. За это время мы все переизнакомились, ближе узнали друг друга. Но всему бывает конец. В последнюю ночь перед отъездом я не спал совсем, ворочался на своей скрипучей раскладушке в общежитии и думал. Это была ночь принятия серьезного решения, и я помню ее до сих пор. Утром отправился к Эдуарду Андреевичу и попросился на работу

после окончания учебы. И опять он не возражал. Через год, защитив диплом и пройдя мучительные двухмесячные армейские сборы, я приехал на Алтай навовсе. В октябре с последним рейсом ходившего тогда по Телецкому озеру туристского теплохода «Пионер Алтая» я прибыл в Яйло с рюкзаком и гитарой. На берегу встречали Ирисов, Стахеев, Баскаков и еще, кажется Оля Шематанова. Встречали, разумеется, не меня, а последний теплоход, но на нем был я.

В поселке появились новые люди. Пока я доучивался, штат научного отдела уже укомплектовали. Меня взяли рабочим по науке: красить стены, сколачивать скворечники и т.п. - и я был рад. В заповеднике продолжались организационные работы. Научный отдел вместе с начальником занимался ремонтом конторы, утрясались дела с жильем. Со временем Ирисов начал «подтягивать гайки» и напоминать, что ремонт ремонт, а за науку тоже пора браться. А как за нее браться мы, вчерашние студенты, толком не представляли. Разве только Валера Стахеев немного соображал. Он уже в студенчестве интересовался птицами и проходил практику под руководством Эдуарда Андреевича, а потом они вместе приехали в заповедник. Остальные, как мне казалось, были вроде меня. Все в научном отделе от рабочего до старшего научного сотрудника имели «верхнее», как тогда говорили, образование, и требования ко всем в научном плане Ирисов предъявлял одинаковые.

Первым делом он потребовал от всех предоставить программы работ. Потом постепенно приступили к самим работам, начали создавать стационары для постоянных наблюдений. Помню, как всем отделом затаскивали метеобудки вместе с их кривыми стальными «ногами» и кучей приборов по заросшим лесом кряжам на высоту полтора километра. С одной стороны, это было довольно трудно физически, а с другой, достаточно весело в компании молодых людей с богатым чувством юмора. Роптать никто не пытался. Во-первых, потому что почти все приехали сюда добровольно; во-вторых, все были «желторотыми» по сравнению со старшим по возрасту и уже тогда известным орнитологом Ирисовым, имевшим авторитет и кучу публикаций; и в-третьих, Эдуард Андреевич мог быть достаточно жестким в вопросах, касающихся работы. С особенной силой это чувствовали сотрудники и лаборанты-орнитологи, которых было четыре человека и планы которых Ирисов корректировал сам. Давление со стороны начальника заметно угнетало их и вызывало некоторое недовольство, которое не поднималось выше уровня междусобойных разговоров, но, как мне кажется, повлияло на более поздние отношения. На остальных Ирисов сильно не наезжал, и они работали по программам, которые составляли сами. В то же время общие для всех требования должны были выполняться. Когда в отделе завелась пишущая машинка, все отчеты и планы работ было велено представ-

лять в напечатанном виде. Поводом к тому могли служить наши почерка. Например, у Юры Марина почерк напоминал кардиограмму умирающего - на почти прямой горизонтальной линии едва прослеживались всплески букв «б», «в», «р». Строчки Саши Овчинникова были похожи на покосившийся деревенский плетень. Моя писанина - тоже не подарок, хотя мне все кажется понятным. Хороший почерк был у Володи Баскакова ну и, естественно, у женщины: у Нади Кругловой, Ольги Шематовой, Лиды Маринной. Однако исключений не было ни для кого: «Все в напечатанном виде!» Первое время подолгу сидели за машинкой, водили пальцами над клавиатурой в поисках очередной буквы. Потом ничего, стало получаться. Позже ребята-герпетологи в Ленинграде после моей защиты, когда я для ускорения оформления всех документов сам взялся их печатать, удивлялись: «Где это ты так наловчился?» И я в очередной раз с благодарностью вспомнил зануду Ирисова и его голос: «Все в напечатанном виде!» Надо отметить, что многое из того, что я имею и умею сейчас, я имею с подачи Эдуарда Андреевича. Это он предложил мне заняться изучением земноводных и пресмыкающихся, а потом написать мою первую научную статью. И не только мне.

К 1975 г. почти все в отделе уже что-то наработали и готовы были рискнуть. Нас всех опубликовал в правдивой толстой книжке под названием: «Охрана, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов Алтайского края». В содержании между такими тузами, как В.Н. Скалон, Б.С. Юдин, Г.Г. Сабанский, четко читались фамилии Яковлев, Стахеев, Баскаков, Шилов, Свчинников. Ощущение было уникальное. Не знаю, как другие, а я «пошел вразнос» хотелось печататься, печататься, печататься... Похоже, что остальные чувствовали нечто подобное и стали посылать свои статьи куда только можно. В свою очередь, это требовало новых данных, то есть активной работы. Появился дополнительный стимул «двигать науку». А сзади напирал Ирисов: «Кроме научных, каждый сотрудник должен опубликовать в год не менее двух научных-популярных статей об Алтайском заповеднике». И посыпались в «Звезду Алтая» и в «Алтайскую правду» сначала довольно корявые, а потом вполне приличные статьи и заметки о жизни заповедника, за которые, как оказалось, еще и гонорар присылали. Деньги, правда, были небольшие - 3-8 руб., но зато каково слово - ГОНОРАР.

Эдуард Андреевич полусерьезно приговаривал: «Пишите, ребята, копите деньги. Один мой знакомый на гонорары мотоцикл приобрел». С чувством юмора у него было все нормально. Беззлобные подтрунивания с его стороны, так же как и в его адрес, считались нормальными в отделе. Как-то раз 1 апреля наш гидробиолог Саша Овчинников подбил меня украсть у Ирисова барокамеру. Эдуард Андреевич в то время интересовался вопросами адаптации

птиц к условиям высокогорий и работал с барокамерой. Она была самодельной и представляла из себя большой толстостенный стальной ящик, взятый напрокат у начальника Эзерной станции В.В. Селегея. Местные умельцы приварили к ящику трубку для откачки воздуха, дыру в центре заделали толстым плексом, через который можно было наблюдать, что делается внутри. Во время работы в камеру запускались птицы и постепенно откачивался электронасосом воздух для имитации подъема на определенную высоту, которую показывал установленный внутри высотомер. Вот всю эту тяжеленную «бандуру» 1 апреля мы с Овчинниковым не поленились утащить по узким конторским лестницам из лаборатории на чердак. Самое смешное было, когда Ирисов зашел в лабораторию и не заметил, что барокамеры нет. Саше Овчинникову пришлось приложить немало усилий, чтобы привлечь внимание к этому факту. А потом нас уговорили сделать все как было. Текст был примерно такой: «Ребята, ну как же так? Мне сегодня вечером надо будет работать. Давайте как-то решим этот вопрос». Короче, мы с Овчинниковым покарячили эту железку обратно, и, поскольку первоапрельский энтузиазм уже прошел, нам она показалась еще тяжелее.

У меня есть экспедиционная фотография, которую можно было бы назвать «Толстый и тонкий». Эдуард Андреевич позировал мне напару со своим бывшим учеником и замечательным фотографом Колей Пономаревым. Оба в трусах. Коля, тощий, как швабра, втянул живот и щеки, а Ирисов, наоборот, выкатил живот и надул все, что можно. Вид забавный. Вообще в экспедициях чувствовалось, что начальник наш в своей стихии. Он быстро находил выход из неординарных ситуаций, которые иногда случались. По мне, как-то на озере Джулукуль у меня на руке вздулся здоровенный фурункул. Я не знал, что с ним делать, то ли выдавить, то ли подождать, пока сам лопнет. К тому же было больно, и это мешало работать. Ирисов быстро наложил мне спиртовый компресс, перевязал, как профессиональная медсестра, и через два дня все рассосалось. Он любил повторять, что у него руки хирурга, и легко просовывал ладонь в горлышко трехлитровой банки, чего никто из наших мужиков повторить не мог.

Вообще, отношения между людьми в заповеднике совсем не такие, как в городе. В городе пропикало 17.00 и все - я тебя не знаю - все разбегаются по домам. В деревне и на работе, и после видишь одни и те же лица, работа и быт переплетены намертво. И почему-то это не надоедает. Мы постоянно ходили в гости друг к другу, собирались по вечерам, ну а в праздники тем более. Праздники нередко отмечали у Ирисовых. Там встречали Новый год, «обмывали» канд. датскую диссертацию Эдуарда Андреевича, его сорокалетие. Мне нравилось, когда Ирисов, Шилов, Стахеев и Баскаков запевали басом про Русь.

затерявшуюся в Мордве и Чуди, и честно признавались, что кого-нибудь зарежут под осенний свист. Женщины подпевали. Было здорово. Чувствовалась общая расположенность всех друг к другу. Иногда возникали споры, в основном на орнитологические темы, обсуждались общие дела. Эдуард Андреевич не изображал из себя начальника, и коллеги-лаборанты, расслабившись после третьей «с прицепом», могли дискутировать с ним и напирать, отстаивая свою точку зрения без всяких последствий.

Около десяти лет продержался наш первый научный отдел в одном составе. Потом постепенно начали разъезжаться, в основном из-за того, что подошло время отдавать детей в школу, а нормальной школы в поселке Яйлю не было. Ирисовы уехали одними из первых. Общение наше свелось к редким письмам и обмену поздравительными открытками к Новому году. Как-то в одном из писем Эдуард Андреевич пообещал приехать летом в гости, но так и не собрался. Потом пару раз встречались на конференциях, и вдруг эта записка и упоминание вскользь: «... на похоронах Э.А. Ирисова ...» Оборвалась ниточка.

3 мая 1995 г. Пос. Яйлю.